ПОЭТОГРАД

№ 16 (168)
Апрель
2015

Народная литературная газета

Газета Союза писателей XXI века и Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»

Газета выходит с 2010 года 4 раза в месяц

В номере:

Очерк

Ольги Дарановой

Поэзия

Владимира Спектора

Рецензии

Наталии Лихтенфельд

на книги

Евгения Степанова

и Сергея Ивкина

Выдающийся поэт России

Вера Зубарева

Евгений Степанов

на румынском

Журнал

«Дети Ра»

Пьедестал

Поэтограда

ВЫДАЮЩИЙСЯ ПОЭТ РОССИИ

ВЕРА ЗУБАРЕВА

* * *

Романы рождаются бурно лишь в жизни, а на бумаге…
Тянешь строчку за строчкой, как санторинский ишак.
О, фантазия, — движение муравья по коряге,
Видящего в ней инопланетный ландшафт.
Ночью в комнате время шуршит по стенам.
Башмаком запустить бы, да что толку — опять улизнет.
И пространство от этого брака становится канцерогенным.
Вот такие романы… Имеющий ум да смекнет.
За пределами книги — чернил непролазная слякоть,
Тусклый свет фонаря, нелюдимый квартал на сто верст.
И повозка с рогожей, под которой не я хоть,
Но достаточно мне и того,
Что мой ум с ней меня соотнес.
Я туда — ни ногой. Там строчит без оглядки, без цели,
Без мучительной правки — наобум, на авось —
Беллетристка-судьба свой бульварный бестселлер,
На который всегда возрастающий спрос.
Я туда — ни строкой… И бумага промокла до нитки,
И в чернильнице ночь, будто я пишу в старину,
Где спираль мирозданья почти что такая, как в свитке,
С неразгаданной связью меж теми, кто их свернул.
В печке тихо потрескивают горящие звезды.
Веткой жизни печальница-память шевелит золу.
Пляшет пламя, а так — кроме нас никого здесь.
«Прояснятся ль чернила до завтра?», — вздыхаю в их мглу.

(Стихотворение их журнала «Дети Ра», № 9, 2008)

СОБЫТИЕ

ПЕРВЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ МОЛОДЕЖНЫЙ КОНКУРС ЛИТЕРАТУРНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО АВАНГАРДА «ЛАПА АЗОРА»

В рамках Года литературы Российская государственная библиотека для молодежи и Оргкомитет фестиваля «Лапа Азора» при поддержке Международной Академии Зауми, Союза писателей XXI века, Союза писателей России, Русского ПЕН-Клуба проводит Первый всероссийский молодежный конкурс литературного и художественного авангарда «Лапа Азора», в котором могут принять участие молодые люди не старше 35 лет.

Конкурс проводится в четырех номинациях:

«РОКУ УКОР»: Комбинаторная поэзия, или Поэзия формальных ограничений — литературные произведения, созданные на основе формального комбинирования тех или иных элементов текста (палиндром, анаграмма, тавтограмма, омограмма, листовертень и пр.);

«БОБЭОБИ»: Звучарная поэзия (Sound Poetry, Slam-Poetry, Poesie Sonore, Lautpoesie, Noise Poetry, Electronic Voice Phenomenon, Sample Poetry, Text-Sound-Composition), заумная поэзия (фонетическая заумь);

«ТЕНЬ ЗВУКА»: Визуальная поэзия, графическая;

«АРТСФЕРА»: Мультимедийная (поэтический видеоперформанс, видеоарт, кибер-поэзия).

Конкурсные работы принимаются до 1 сентября на адрес электронной почты: lapaazora@rgub.ru.

Награждение и выступление победителей состоится в декабре на Девятом Международном фестивале «Лапа Азора». По итогам конкурса будет выпущена антология лучших текстов и организована выставка визуальных и мультимедийных работ.

Условия конкурса, список Жюри и дополнительную информацию смотрите на сайте: http://lapaazora.rgub.ru.

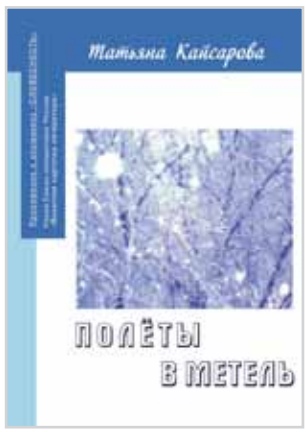
Российская государственная библиотека для молодёжи

Координатор конкурса:
Евгений В. ХАРИТОНОВ
E-mail: lapaazora@rgub.ru
Тел.: +7 (499) 922-66-77 (доб. 783)
Контактное лицо для прессы:
Екатерина МАКАЕВА
E-mail: makaeva@rgub.ru
Тел.: +7 (499) 922-66-77 (доб.464)

ПЬЕДЕСТАЛ

ТРИ КНИГИ НЕДЕЛИ

Еженедельно в рубрике «Пьедестал: три книги недели» — лучшие книги, выпущенные как издательским центром «Вест-Консалтинг», так и другими издательствами нашей страны. Это наш пьедестал почета — книги, которые мы рекомендуем вам, уважаемые читатели!



Татьяна Кайсарова
«Полеты в метель»
М.: «Вест-Консалтинг», 2015

Елизавета Новикова
«Короткий путь в вечность»
М.: «Вест-Консалтинг», 2015

Михаил Николаев
«Пустынный ангел»
М.: «Вест-Консалтинг», 2015

НАШИ ЖУРНАЛЫ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ «ДЕТИ РА»

«Дети Ра» — толстый литературный журнал ПОЭЗИИ, издающийся с 2004 года.

Журнал «Дети Ра» основан в 2004 году в Саратове.

С 2011 года выходит под эгидой Союза писателей XXI века (сайт www.writer21.ru).

Слово «Ра» имеет много толкований. Это и древнее название Волги, и Бог Солнца, и русский авангард. Все эти значения в той или иной степени применительны к названию журнала. Он возник на берегах древней реки, поэты — всегда дети Солнца, и печатаются в «Детях Ра» авторы, исповедующие не только силлаботонические принципы, но также ориентированные на поиск в поэзии, ищущие свое самовитое, авангардное слово.

Главный редактор — Президент Союза писателей XXI века, кандидат филологических наук Евгений Степанов.

Издатель — Холдинговая компания «Вест-Консалтинг».

НОВИНКИ ПОЭТОГРАДА

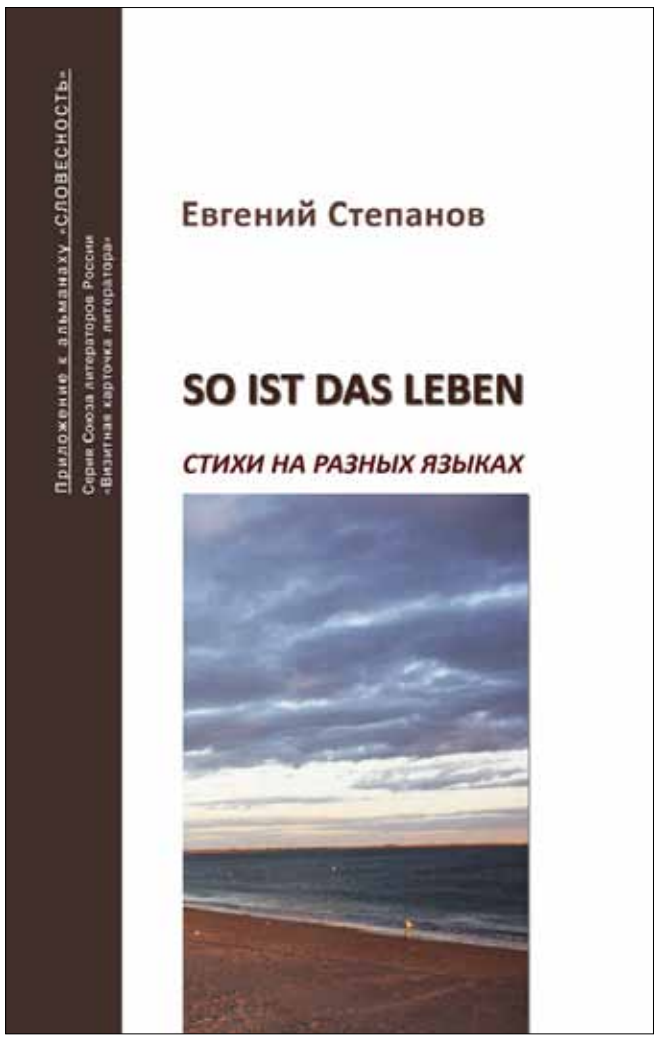
Евгений Степанов
«So ist das Leben»

М.: «Вест-Консалтинг», 2015

«Так получилось, что я жил во многих городах и странах. Вне родимой Москвы я провел более 10 лет. Поэтому приходилось говорить и писать на разных языках, что, собственно, и отражено в этой небольшой стихотворной книжечке». (Из вступительного слова автора.)

Признаваясь в том, что он не заправский полиглот, но всегда старался выражать свои мысли на языке страны, в которой жил, Евгений Степанов считает, что это свойственно поэту и что таким образом появляются иные коммуникации — заумь, анаграмма и другая комбинаторика. Меня удивляют не только лингвистические способности Степанова, но и его стремление к интеграции, слиянию с той языковой средой, в которой он появляется даже ненадолго. Он тут же настраивается на язык страны, в которую приехал, старается подхватить слово в транспорте, на улице, расспрашивает местных, что означает то или иное выражение, как, например, в Чехии или Болгарии. Эти немногочисленные лексические знания тут же переплавляются у него в стихи. Иногда это звучит наивно и смешно. Но как ни странно, и в этой простоте нельзя не заметить его таланта. В связи с этим я вспомнила «Книжку про зверей» нашей дочери Насти, которую она написала в семь лет на русском, будучи ребенком двух языковых сред — немецкой и русской. Такие опусы, как например, «в нашем дворе жили разные белочки — хорошенькие и жирные» вызывали улыбку, но в них заключалась своя символика и правда, которая проглядывается в детских рисунках с мамой, папой, ребенком и солнышком над головами.

Что же касается конкретно этой книжечки, то в ней собраны стихи Степанова на тех языках, которые он знает неплохо, которые он изучал не на улице, как обычно, а занимался ими в многочисленных институтах, которые окончил: французский, немецкий, английский. В нашем мире, который стал многополярным, где наблюдается культурное слияние (в отличие от политического), не закосневшие в своем сознании люди приобретают несколько Родин, их видение мира расширяется, подобно тому, как жизнь в пятимерном пространстве (то есть уже не на земле даже) существенно отличается от жизни в одномерном, как и один или множество пунктов зрения, с которых люди рассматривают мир. (Одномерное пространство, кстати, некоторыми схоластами считается адом.)



Как сказал герой фильма Данелии «Осенний марафон» — языки способствуют объединению людей, а не их разобщению. Поэтому стихотворение этой книги «Иностранные языки» вызывает грустную, на этот раз, улыбку:

Я говорю по-английски плохо
Но меня все понимают

Я говорю по-французски плохо
Но меня все понимают

Я говорю по-немецки плохо
Но меня все понимают

Я говорю по-украински плохо
Но меня все понимают

Я говорю по-болгарски плохо
Но меня все понимают

Я вроде бы неплохо говорю по-русски
И даже преподаю стилистику в одном престижном вузе

Но меня понимают всего несколько человек

11.05.2014
Бургас

Та мощнейшая энергия, о которой упоминает Константин Кедров, говоря о стихах Степанова, исходит и от этих страниц — все-таки половина книги написана по-русски, на родном языке поэта. Степанов утверждает, что Россия для него — это прежде всего — русский язык.

Наталия ЛИХТЕНФЕЛЬД

Сергей Ивкин
«Символы счастья»

М.: «Вест-Консалтинг», 2015

«Не просто читать твои, Серёжа, стихи. Я почти всегда ничего не понимаю, но — как завораживает музыка твоих рифм и ритмов. Кажется, меня отрывают от ветки сильные и добрые руки и подбрасывают в небеса — к свету и теплу. Низкий поклон за все».

Это один из многочисленных отзывов на стихи молодого екатеринбургского поэта, художника и иллюстратора поэтических книг Сергея Ивкина на портале stihi.ru.

Его третья, новая книга стихов «Символы счастья» — часть общего творческого проекта, в котором игровой короткометражный фильм режиссера Алины Волковой занимает центральное место. На съемках фильма, состоявшихся в сентябре 2014 года в Екатеринбурге, Сергей Ивкин работал художником. «Таким образом, данная книга стала своеобразным артефактом с той стороны экрана, позволяющим шагнуть в иллюзорный мир, раздвинув границы кадра». (Из аннотации.)

Несмотря на синтетичность задуманного, о книге можно говорить как об одельном культурном событии и рассматривать ее вне проекта. Стихи Сергея Ивкина, действительно, сложны для понимания, поскольку автор обладает эрудицией, готовой поспорить с энциклопедией, и не слишком заботясь о читательском восприятии, оперирует своими знаниями, создавая собственный поэтический мир. Но это не желание шокировать читателя, ставя его перед проблемой личного несовершенства в знаниях, просто поэт так живет и дышит. Он мыслит образами прочитанного, узнанного, вобранного в себя и переработанного эмоционально в слиянии со своим жизненным опытом. Стихи Сергея можно и не понимать, но они воспринимаются на уровне чувств, эмоций, музыкальности.

Сам о себе он пишет: «Я никогда не занимался заумью, все мои стихи предельно точны и конкретно-детальны. За каждым словом стоит абсолютно реальная вещь или история. Но у читателя есть право (оно даже превалирует над моим замыслом) прочитать что-то свое. Так даже интереснее, когда поверх моих историй вырастают читательские. Мне очень важно, что хотя бы звук (или именно звук, поскольку звук первичен) воспринимается. Как говорит Борис Борисович Гребенщиков: "Если то, что я делаю, кому-то нужно, то я — счастлив"».

Издатель книги и поэт Евгений Степанов, говоря о творчестве Сергея Ивкина, восхищается амплитудой его приемов: «Здесь и анжамбеман, и богатый, разнообразный рифменный корпус, и... образно-метафорическая система. Здесь все в меру, столько, сколько нужно».

На мой взгляд, это выверенный до каждого миллиметра, четко отработанный стихотворный текст, где не к чему придраться с технической стороны. Но этого мало, если в таком тексте отсутствует сама поэзия. Здесь же — слияние таланта и техники, что редко теперь встречается. Не хочется приводить даже цитат, разрывать книгу на цитаты, ее надо читать целиком. Не только читать, но и рассматривать, так как «символы счастья» Ивкина запечатлены также и в его воздушных, мистических иллюстрациях.

Кстати, Сергей не так жесток, чтобы не поделиться тем, что он знает и не разъяснить отдельные моменты своих стихов. В письмах к Анеле (в примечаниях) он расшифровывает «некоторые темные места». Из этих же писем мы узнаем об его отношении к поэзии, его афористичное определение ее, заимствованное, по его признанию, у Виктора Сосноры: «Творчество — единственное занятие, где не может быть никакого соперничества. Находи свою дорогу и делай, что хочешь».

Сергей Ивкин — координатор поэтического клуба «Капитан ЛебядкинЪ» (при журнале «Урал»), участник культурных проектов «Клуб одиноких мозгов Франсуа Дюпон», «игныПс», «Студия Олега Бухарова», «Игра в борхес», «Северная Зона». Он публиковался в России и за рубежом. Живет в Екатеринбурге.

Наталия ЛИХТЕНФЕЛЬД

РЕКЛАМА

МАГАЗИН ИЗДАТЕЛЬСТВА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

Открыт новый интернет-магазин издательства «Вест-Консалтинг» — WWW.LITLAVKA.RU

Здесь книги можно приобрести по ценам издательства.
Доставка по Москве в течение 1 дня.
Тел. для справок: (495) 971-79-25

ОЧЕРК ПОЭТОГРАДА

ОЛЬГА ДАРАНОВА
«ПО ГЛАВНОЙ УЛИЦЕ С ОРКЕСТРОМ...»

Помните фразу Костика из кинофильма «Покровские ворота»: «Спит родимый аквариум. Спит...»? Это он — о коммунальной квартире, где живут несколько семей одним общим домом. Явление обычное для 50-х-60-х годов прошлого, двадцатого века. Такой «аквариум» был и в моей жизни.

На улице Карла Маркса в многоэтажном кирпичном доме добротной старорежимной кладки жили мои бабушка Ольга и дед Михаил. Квартира была коммунальная, на три семьи с общей кухней. Удобства находились за пределами жилплощади в холодном коридоре, да и удобствами их назвать было трудно. В те времена отдельные квартиры считались роскошью, вожделенной мечтой многих горожан.

Говорят, детская память цепкая, многое хранит такого, что, на первый взгляд кажется неважным, незначительным... Но по истечении времени эти крупицы воспоминаний становятся очень дороги, и ты старательно достаешь их из закромов памяти, как бисер из старинной бабушкиной шкатулки. Потому что эти крупицы памяти, эти смешные, даже, казалось бы, нелепые, эпизоды канувшей в Лету жизни — приметы времени, в котором жило целое поколение наших соотечественников.

Бабушка с дедом занимали одну большую двадцатиметровую комнату с двумя окнами, выходящими во двор, с печью-«голландкой», которая согревала обитателей квартиры в холодные зимние вечера. Помню, бабушка любила стоять у этой печки, греться и смотреть на огонь. Мебель была незатейливая, как у многих в то время: кровать, круглый стол в центре комнаты, покрытый вязаной белой скатертью, диванчик, шифоньер, швейная машинка. Над кроватью висел коврик из плотной ткани, на котором масляной краской был изображен зимний пейзаж. На переднем плане — тройка запряженных лошадей, сани несутся по лесу, а за ними гонится стая волков. В санях двое седоков, один правит лошадьми, другой отстреливается. Мой младший брат, глядя на этот коврик, размышлял: догонят волки повозку или нет?

Так вот, жили-не тужили. Про таких, как мои дед и бабушка, обычно говорят — «не пара». Она — тихая, аккуратная, домашняя, не любившая шумных компаний. Он — юркий, подвижный, жизнерадостный, бесшабашный музыкант-самоучка, игравший в духовом оркестре. Музыке дед нигде не учился, но знал ноты и старательно писал клавиры вальсов, фокстротов, танго. Он даже спал, положив под голову вместо подушки стопку любимых нот. Рядом с его кроватью всегда лежала труба. Когда приходили внуки (я и мой двоюродный брат), он часто говаривал: «Давайте-ка я вам сыграю вальсок. А хотите — танго?» — говорил, делая ударение на последнем слоге. При этом он садился посреди комнаты на пол, почему-то надевал на голову шляпу и старательно дудел в свою трубу. Он был чрезвычайно доволен, когда играл, а когда у него случались слушатели — доволен вдвойне. Трубы у него были разные: маленькая альтушка, побольше — баритон и самая большая — бас.

По воскресеньям дед часто пропадал на целый день. Бабушка сердилась, а он только добродушно бормотал: «Лель, я на сыгравку». На современном языке это означало «на репетицию». Для деда это было святое. Душа его рвалась вон из стен дома туда, где он чувствовал себя счастливым — в оркестр. Она, его душа, летела и парила, заслышав первые аккорды «Прощания славянки», и плавно кружила при звуках вальса «На сопках Маньчжурии». Часто, возвратясь поздно вечером домой, дед тихонько пел и пританцовывал — вальс еще кружил его щуплое существо, и весь он пребывал в другом, волнующем его мире, за пределами холодной квартиры, за пределами скромного размеренного домашнего быта с его ежедневными заботами и проблемами... Иногда, в шумной компании с друзьями, он мог станцевать и знойную «цыганочку», как он говорил — «с выходцем», прикрыв при этом глаза и весь отдавшись танцу.

Оркестр, в котором играл дед, сборный оркестр железнодорожников, в основном — деповских рабочих, звучал на всех городских праздниках, в разных местах города: в цирке, шатер которого стоял когда-то в центре города за «кривым» домом, в филармонии, в Винновской роще, на демонстрациях 1 мая и 7 ноября.

Демонстрации на майские и ноябрьские дни... Это действительно был всенародный праздник. Какое-то неподдельное единство людей, стихийное народное братство, веселье, которое не мог омрачить ни ноябрьский морозец, ни холодный майский ветер. В центре города всюду стояли колонны демонстрантов с транспарантами, прославлявшими мир, труд, май, советский народ, звучали слова о светлом коммунистическом будущем и счастливой жизни. Люди одевались в новую, купленную специально к праздничным дням одежду, в руках у многих были цветы, воздушные шары, на май — первые распустившиеся зеленые побеги. Колонны двигались медленно, приходилось долго стоять на одном месте. Удивительно, но это долговременное топтанье на одном месте никого не раздражало и никому не надоедало, в разных местах в колоннах демонстрантов играла музыка, звучали песни, марши, вальсы, искрились улыбки, и все это медленно плыло одной многоголосой большой цветастой волнующейся колонной по улице Гончарова к площади Ленина.

На демонстрацию дед уходил рано утром, накануне пребывая в приподнятом настроении. Утром бабушка, почистив ему пиджак и брюки, строго наказывала не задерживаться долго, придти вовремя к праздничному обеду. Дед всегда соглашался, уносясь мыслями в просторы симбирских ветров в компании своих друзей-музыкантов. Ну, а счастливые, как известно, часов не наблюдают...

После демонстрации все родные (да не так уж и много их было) собирались к обеду. Неизменный винегрет и селедочка, холодец, отварная круглая картошка с укропчиком, пироги. Бывала и «беленькая» по 4,12. Отогревшись и закусив, взрослые вели задушевные разговоры о прошлом, о родных и близких, пели песни. А мы, дети, быстро пообедав, бежали напротив в кинотеатр «Пионер», купив по 10 копеек билеты на «Неуловимых мстителей». До начала фильма успевали еще съесть мороженое, что продавала добродушная торговка в белом переднике на углу, у «двадцатого» магазина. Сейчас на этом месте находится магазин парфюмерии и косметики «Л'Этуаль».

Ах, что это было за мороженое! По двадцать две копейки — «Ленинградское», шоколадный брикет. По двадцать восемь копеек — батончик в цветной фольге с божественным вкусом, «мороженое-пирожное», жирное, бугристое, покрытое шоколадом. А вот по сорок пять копеек в больших коробках нам не разрешали покупать во избежание болезни горла. Продавалось и «эскимо» по одиннадцать копеек, «пломбир» по девятнадцать и даже маленький вкусный вафельный брикетик по девять копеек.

...Мама рассказывала, что в 50-е, в годы ее молодости, дед играл в клубе Ильича, что располагался на Привокзальной площади, рядом со зданием старого вокзала, напротив перекидного моста. Вечерами, спеша на танцы, они с подругами, подходя к клубу, слышали звуки элегантного фокстрота и зажигательного танго, в вечернем сумраке плыли звуки вальса «Грезы», весело звучали краковяк и полька «Бабочка». В буфете продавался лимонад, бутерброды и «именное» мороженое в вафельных стаканчиках. Девчонки допоздна кружились в танцах, а дед весело подмигивал им, вдохновенно выдувая волшебные звуки из сверкающей медью трубы.

Смотрю на старые фотографии 50-х... Какие платья носили тогда молодые девушки! Сложных, замысловатых фасонов, с подрезами и вытачками, схваченные в талии широкими лаковыми поясами... После войны жили люди бедно, но женщины и тогда умудрялись красиво одеваться. Полузабытые сегодня названия тканей «крепдешин», «креп-жоржет», «вольт», «маркизет», «креп-сатин» понятны теперь только специалистам. При одном лишь звучании этих слов уже слышится волнующее шуршанье пышных летящих юбок, трепет кружевных воротничков и газового шарфика на женских плечах. Парни, что побогаче, носили бостоновые костюмы и (самый шик!) лаковые ботинки. Именно такой костюм и ботинки носил мой отец. А у мамы осталось в памяти ее любимое платье из креп-граната...

Дед всегда тянулся к молодежи, благо ее в оркестре было много, в основном молодые парни, и он сам вместе с ними всегда оставался молод душой.

Летний праздник День железнодорожника собирал всех в Винновской роще в первое воскресенье августа. Сюда стекались семьями, многие брали с собой коврики, корзинки со съестными припасами, рассаживались уютным кружком на лужайках и под деревьями. Дед неизменно выступал с оркестром каждый такой праздник.

...Мама рассказывала, что в их голодное военное детство дедушка Миша работал в тылу, в паровозном депо. У него была «бронь», он ремонтировал паровозы, уходящие на фронт. Сутками, грязный, голодный, худой, он лежал под вагонами, возвращая «железному коню» силы и жизнь. Свой паек дед часто не съедал, украдкой приносил домой двум своим малолетним дочкам — маме и ее родной сестре Тамаре. Часто в их дом приходил рассыльный, случалось и по ночам, и деда вызывали с бригадой на линию фронта, где обстреляли состав, и его нужно было срочно ремонтировать. Деда не бывало дома несколько суток... Передовик производства, он выполнял норму на 150 процентов, и многочисленные грамоты и благодарности тому свидетельство. Иногда его премировали отрезом на пальто или деньгами. В конце войны дед подрабатывал на хлебозаводе. Было очень голодное время, и чтобы спасти свою семью от голода, дед работал круглосуточно: днем — в депо, ночью — на хлебозаводе.

Каким я его помню? Нетребовательным в еде, в одежде, неприхотливым в быту. Я никогда не видела его огорченным, он всегда пребывал в хорошем расположении духа. Носить аккуратно одежду он не умел, помню его помятые брюки с оттопыренными карманами, в которых лежали папиросы, гайки и мундштук. На пиджаке черного цвета сияли металлические пуговицы железнодорожника. Одежда сидела на нем мешковато. Был он невысокого росточка, худощавый, узколицый. На голове — шляпа. Этакий симбирский Чарли Чаплин, только тросточки не хватало. Бабушка сердилась: «Ты же артист! А посмотри, какие у тебя брюки... И руки вечно в карманах. Оторвутся кармашишки-то! И ботинки нечищеные. Вон, посмотри на Владим Фёдырча, какой он аккуратный, и ботинки у него, как зеркало...».

«Владим Фёдырч» — это сосед по коммунальной квартире. В юности, работая на лесоповале, он повредил позвоночник, отчего ходил под углом 90 градусов, но всегда был чисто выбрит и одет очень опрятно. Причину его физического недуга мы тогда с братом не знали, мы думали, что так в жизни бывает, — есть люди обычные, а есть особенные, «горбатенькие».

По выходным к Владимиру Фёдоровичу приходила племянница, красавица Зина, черноволосая, астматичная, белолицая молодая женщина. Она приносила продукты, газеты, прибирала в комнате. Владимир Фёдорович и сам все умел делать, раз в неделю варил большую кастрюлю щей, при этом что-то бормоча себе под нос. А иногда, подвыпив, он запирался в своей комнате и пел. Правда, пением это назвать было нельзя, скорее какой-то непонятный речитатив, без мелодии и рифмы. Одним словом, что вижу, то и пою.

Так вот, про ботинки «Владим Фёдырча». Когда в очередной раз бабушка указала деду на ботинки соседа, дед философски заметил: «Да куда же ему еще смотреть-то, Леля, как не на ботинки? Неба-то он ведь не видит...». За глаза дед так и называл соседа ласково — «горбатенький».

К деду часто приходили два его закадычных друга, не менее колоритные, чем он сам. Один — маленького роста, плотный матросик, в тельняшке и широких форменных брюках. В лице у него было что-то птичье, походка «вразвалочку». Звали его Вениамин или попросту Венка. Одинокий, ни жены, ни детей не имевший, он приходил в гости к деду по воскресеньям. Приходил как в семью, и его все принимали за своего. Венка имел два прозвища — «пингвин» и «широкие штаны». И то и другое подходило ему идеально. Деда он очень любил, бабушку уважал, соседа Никифоровича сторонился, и когда тот подтрунивал над ним, не на шутку взрывался, обижался и действительно становился похожим на большую нахохлившуюся птицу. Частенько, сидя за маленьким обеденным столиком за ширмочкой, они с дедом вспоминали былое. Венка рассказывал истории из времен своей службы в морфлоте, заканчивая их, как правило, куплетами песни «Прощайте, скалистые горы».

Другой дружок был высокий, худой, по прозвищу «насос». Почему он имел такое прозвище, не знаю. Видимо, пил много, не пьянея. Добродушный, громкоголосый, с длинными руками, в какой-то хламиде вместо одежды, он напоминал Дон Кихота рядом с маленьким, кругленьким Санчо Панса-Венкой. Трое друзей летом располагались во дворе дома, на травке, играли в карты и шумно рассказывали какие-то истории, перебивая друг друга. Ну, прямо, «Охотники на привале»...

Внуков дед любил «вселенской» любовью, как любят детей вообще, особенно не различая, свои они или чужие. Он никогда не ругал детей, а тем более не наказывал, позволял им все, возился с ними, играл в разные игры, радовался их смеху и сам смеялся, как ребенок. Брат вспоминает, как дед приносил из депо игрушки — тяжелые, грубо сколоченные металлические самодельные машинки-уродцы, которые, что называется, танком не продавишь... А он с искренней радостью доставал их из своих многочисленных карманов, и это действительно была радость, ведь тогда такого изобилия детских игрушек, как сейчас, не было.

Ел дед всегда из своей тарелки и только деревянной ложкой. А когда мы, дети, плохо ели, капризничали, он молча перекладывал остатки нашей еды себе в тарелку, приговаривая: «Эх вы, чадики...».

Второй страстью в жизни деда была рыбалка. Вся комната, от стола до этажерки, оплеталась самодельными сетями, которые он плел бесконечно. Рыбачил на Волге и на Свияге. Уходил на рассвете, пропадал несколько дней. Не помню, была ли в доме рыба, мама говорила, что была. Дед ловил щурят, карасей, ершей на уху. Говорил, что нет в мире большего счастья, чем раннее утро на реке, туман, зеркальная гладь воды, тишина... Возвращался с рыбалки, весь пропитанный запахом тины, речных водорослей, свежей рыбы. Мама до сих пор без рыбы жить не может. Память детства...

В конце шестидесятых дед строил Мемцентр. Он был членом КПСС, убежденным коммунистом и патриотом, гражданином и честным человеком. Последние годы жизни работал слесарем, потом вахтером в гостинице «Венец». На работу выходил за три часа до начала смены, не любил опаздывать. Такая привычка выработалась у него смолоду. Завидев трамвай, бежал вдогонку, не обращая внимания на одышку и боли в ногах, отмороженных еще в паровозном депо.

Окончание на стр. 4

Окончание. Начало на стр. 3

ОЛЬГА ДАРАНОВА
«ПО ГЛАВНОЙ УЛИЦЕ С ОРКЕСТРОМ...»

Читать дед тоже любил, одно время часто ходил в библиотеку, во Дворец книги, в отдел абонемента, брал книги на дом.

...Он похоронил всех своих друзей с оркестром. На своих же похоронах завещал сыграть ему «Прощание славянки». Не сбылось... Сейчас поют ему эту мелодию симбирские ветры, качающие белоствольную березку, что растет на его могиле.

Бабушка Ольга была ладной по фигуре, строгой, спокойной. Помню ее платье в горошек с белым вязаным воротничком и коричневые туфли-лодочки. На старом комоде стояли ее любимые духи «Белая акация». Она не баловала, излишне не ласкала внуков, наоборот, часто что-то внушала нам назидательным тоном. В хозяйстве была экономной, зря тратить деньги не любила, однако, когда ходила на рынок, покупала только самые лучшие продукты. Помню ее крупные малиновые помидоры «бычье сердце», ароматные яблоки «антоновка». С ними она любила пить чай... И еще она пекла пышные вкусные лепешки. А ко дню рождения внучки, в июне, всегда покупала первую клубнику. Она никогда не брала взаймы, не ходила к соседке за солью и за луковицей, если их в хозяйстве не оказывалось. И нам наказывала никогда не занимать и ни от кого не зависеть. Родом из бедной крестьянской семьи, она знала наизусть стихи Пушкина и Некрасова. И еще было в ней какое-то природное благородство. Соседи называли ее исключительно по имени-отчеству — Ольга Дмитриевна и лишь некоторые — «тетя Леля». Родилась бабушка в Пензенской области, и часто, сидя у окна, она с тоской говорила: «Хочу на родину, в Пензу».

В доме на четвертом этаже жила подруга бабушки, Ольга Ефремовна, дама «из бывших». Летом по выходным она спускалась вниз, в белой панаме, с ридикюлем в руке, и они с бабушкой уходили погулять на Венец, любимое место прогулок многих горожан.

...Как щемит сердце сейчас, когда я вспоминаю ее, стоящую на крыльце своего дома и провожающую нас. Светит солнце, она — в своем платье в горошек, смотрит нам вслед, прикрыв рукой глаза.

Она ушла из жизни в цветущем зеленом мае. Перед этим долго боролась с мучительной болезнью. И когда уходила, говорила: «Как не хочется умирать, когда все вокруг только рождается...».

Третий сосед — Иван Никифорович — грузный, краснолицый, насмешливый. По специальности инженер, он в свое время руководил крупным производством, но за что-то оказался в опале, хотя гонор свой не растерял, а привычка командовать людьми осталась у него на всю жизнь. Ходил он в длинном плотном черном плаще, на ногах — всегда идеально начищенные ботинки. Смеясь, он посверкивал золотой коронкой. Жена его, Валентина Николаевна, страдала душевной болезнью, склонностью к меланхолии и депрессии. У них была дочь, Тамуся, высокая, стройная, крупная блондинка, похожая на Марину Влади. Говорила она резким недовольным тоном, держалась несколько заносчиво, чем, видимо, отпугивала женихов. На туалетном столике у нее стояла фотография популярного в то время певца Муслима Магомаева.

Ее брат Володя, красивый, остроумный молодой парень, любил философствовать и подтрунивать над всей соседской братией. Помню его сидящим нога на ногу утром в белой майке посреди кухни на высоком табурете. По утрам часто приходила к ним теща Ивана Никифоровича, бабушка Володьки Клавдия Семёновна, и тут начинался интересный диалог.

— Баб, дай на мотороллер! Я знаю, у тебя есть деньги!

— Да откуда же они у меня есть-то, Вова?

— Есть-есть, у тебя в чулке спрятано, я знаю... Вы, Клавдия Семёновна, голубушка, всегда жить умели, и матушка ваша еще при старом режиме, и матушка вашей матушки еще при Цесаревиче, поди, ассигнации под половицей прятали. До сих пор третья от входа как-то по-особому скрипит...

— Да что ты, Вовуля, все фантазируешь, какие режимы, какие ассигнации!.. — старушка поспешно доставала кошелек, желая остановить неуемную фантазию внука, и протягивала ему купюру.

Получив вожделенный красный червонец, который на мотороллер явно не хватало, но вполне хватало, чтобы весело пообедать с подружкой, Вовик молниеносно скрывался в холодных анналах квартиры, чтобы привести себя в порядок. Через несколько минут его красивые черные узконосые ботинки уже громко стучали по ступенькам лестницы.

Как-то Ольга Ефремовна пригласила бабушку и Клавдию Семёновну погулять на Венец. На что Вовик с задумчиво-серьезным видом сказал:

— Нет, не пойдет Клавдия Семёновна сегодня на Венец.

— Это почему же, Володя? — наивно-доверчиво вопрошала остряка пожилая дама.

— А у нее губная помада закончилась — глубокомысленно изрекал внучек.

Клавдия Семёновна, высокая пожилая дама в шали-«паутинке» на плечах, в добротных туфлях на низком каблуке, жила на Среднем Венце, приходила часто, помогала дочери, которая из-за своей болезни потеряла склонность к ведению домашнего хозяйства. Теща приносила продукты, заботилась о дочери и великовозрастных внуках, наставляла зятя, в общем, была тем стержнем, на котором все держалось.

Иногда к Вовке приходил его друг, Женька Штемпель, потомок дворян Штемпелей, чей особняк стоит на улице Льва Толстого. На нашей скромной демократичной кухне он казался человеком из другого мира. Холеный, в темном костюме «с отливом», он держался несуетливо и высокомерно. Коротко о чем-то поговорив, они удалялись с Володькой в одни им ведомые дали.

Иван Никифорович слыл местным Цицероном. Он недолюбливал тещу и любил свою покорную домашнюю аудиторию, которая внимала ему безропотно. Тещу он называл «зондерфюрер» за то, что та крепко держала бразды правления в своих руках, а горбатенького «гаулейтером», вероятно, потому, что его комната была для всех сокрытой территорией, куда никого никогда не приглашали, и где сам хозяин чувствовал себя властелином мира.

По вечерам наша убогая кухня превращалась в римский Колизей. Все жильцы рассаживались по периметру, а в центре ораторствовал Никифорович, ловко обращая слушателей в свою веру, рассказывая им свои наполовину выдуманные истории, как барон Мюнхгаузен — небылицы своим спутникам. Он часто менял обличья, бывал, что называется, «в образе» и представлял себя то историком, то полководцем, то известным юристом. Хорошо зная военную историю, Никифорович рассказывал о крупных сражениях советской армии в Великую Отечественную войну. С перевязанной полотенцем головой (она еще болела от вчерашнего приступа гипертонии), в полураспахнутом махровом халате, в шлепанцах на босу ногу, он сыпал цифрами и именами участников сражений, указывая рукой на воображаемую карту военных действий, подкрепляя достоверность слов глубокомысленными изречениями великих полководцев. Жильцы внимали ему безропотно, иногда недоверчиво, но в глубине души каждый из них был рад стать причастным к историческим событиям.

В хорошую погоду Никифорович любил прогуливаться по Гончаровской (именно так, по-старому, они с дедом называли улицу Гончарова), следом за ним частенько что-то вроде свиты шел дед и ковылял горбатенький «Владим Фёдырч». Умилительная троица шествовала вниз по главной улице города и так же чинно возвращалась домой к обеду.

Чувствуя свою власть над соседями, Иван Никифорович мог иногда употребить ее и не во благо. Бывало, на кухне утром поднимался шум-гам, гремели крышки кастрюлей и раздавались возмущенные возгласы: у кого-то борщ оказывался недопустимо пересоленым. Как такое могло случиться? «Горбатенький» и бабушка старательно вспоминали всю процедуру варки борща, не положили ли соли дважды во время задушевного разговора. На кухню выплывала заспанная, в папильотках, Тамуся, выбегал в трусах Вовик... А в это время за дверью скрывалась хитрая смеющаяся физиономия Ивана Никифоровича, наблюдавшего за происходящим. Но бабушка вскоре догадалась, чьих рук это дело.

Помню, однажды Иван Никифорович наклеил на проводку над нашим кухонным столом целый ряд крышек от пивных бутылок, с усмешкой говоря деду: «Вон сколько медалей у тебя!» Дед, безобидная душа, не придал этому значения. Но бабушка, всегда тихая, выдержанная бабушка, ответила обидчику: «Культурным человеком себя считаете, Иван Никифорович, а такое себе позволяете. Что он, мальчишка Вам, что ли...». И тот почувствовал отпор и больше никогда так не делал.

Иногда, по праздникам, к обеду присоединялась еще одна семейная пара, жившая на третьем этаже дома — тетя Тоня и дядя Вася Усковы. Тетя Тоня, добрая симпатичная блондинка с голубыми глазами, ходила всегда преувеличенно прямо, потому что одна нога у нее была короче другой. Искусная портниха, она обшивала многих в доме, легко общалась с соседями и к тому же хорошо пела. Ее муж Василий, человек небольшого ума, но непомерно большого чувства собственного достоинства, работал в пожарной охране. Их дочь Надюшка, толстая, застенчивая девочка, дружившая, однако, только с мальчишками, была среди них «своим пацаном» и никогда не выдавала мальчишечьи тайны. Пацаны использовали ее габариты в своих целях — играя в хоккей, ставили Надюшку на ворота, и та, польщенная доверием, старательно ловила шайбы.

Постепенно уходила в прошлое эра коммунальных квартир, люди получали отдельное жилье, со временем переселили и жильцов нашего большого дома, но так случилось, что обитатели этого коммунального мирка вновь оказались вместе в новом пятиэтажном благоустроенном доме, правда, в разных квартирах. Времена менялись к лучшему, но что-то необратимо исчезало... Что же? Может быть, дух братства, который незримо витал на той старой холодной кухне, где, стоя спина к спине, каждый вел свое нехитрое домашнее хозяйство, не задумываясь и не осознавая, что живущий бок о бок с тобой человек давно уже стал частью твоей жизни.

...Так неспешно текли будни и праздники нашего двора. Утром приезжала цистерна с молоком, и к ней выстраивалась очередь домашних хозяек с бидончиками, в соседний кафетерий «Чайка» разгружали свежеиспеченные ароматные булочки, в прохладном утреннем воздухе вкусно пахло сдобой... На задворках магазина «Черемуха», чуть забрезжит рассвет, люди записывались на очередь, чтобы купить долгожданную стиральную машинку. После дождя во дворе валялись тут и там пустые коробки из-под галантерейных товаров, которые привозили в «Черемуху», и в воздухе долго стоял запах мокрого картона, пропитанного ароматами одеколона, мыла, стирального порошка.

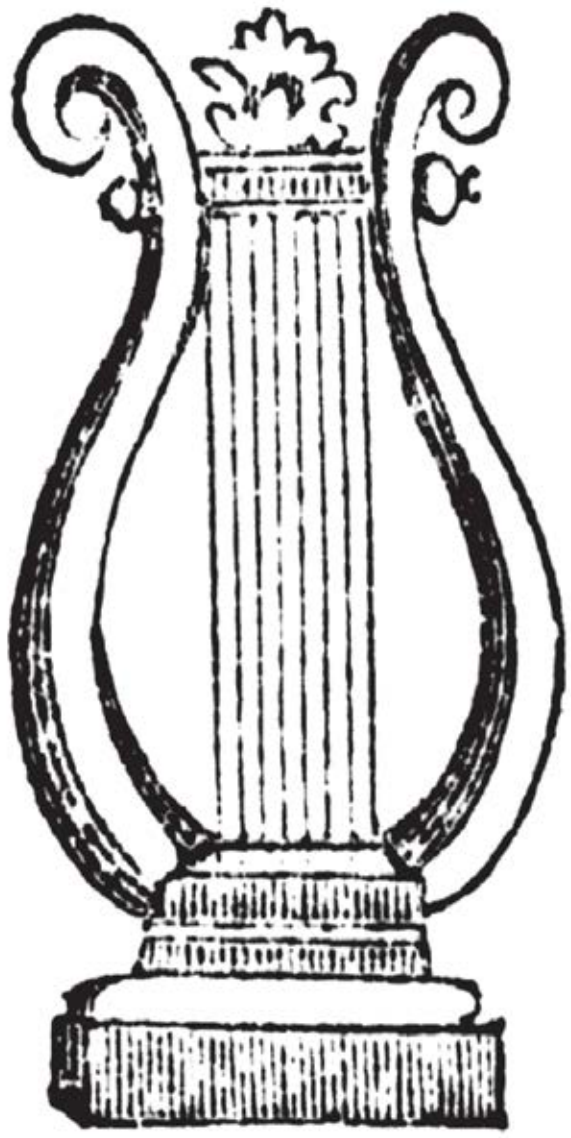
Дети чертили на асфальте «классики», задорно прыгали в скакалку, играли в мяч, бросая его в кирпичную стену дома, хозяйки развешивали выстиранное белье посреди двора на веревках, мужчины стучали костяшками домино... Бабушкина кошка Мурка, сибирской породы, крупная, серо-белой окраски сидела, щурясь, на крыльце, зорко наблюдая за слетающимися к кормушке голубями. На балконе третьего этажа дома напротив часто появлялась пожилая дама в бигуди и с утренней папиросой в зубах. По-хозяйски оглядев двор, она не спеша поливала цветы из детской полиэтиленовой лейки.

В глубине двора между домами была арка, соединявшая внутренний мир обитателей этого коммунального улья с миром внешним, звучным, шумным, многоцветным.

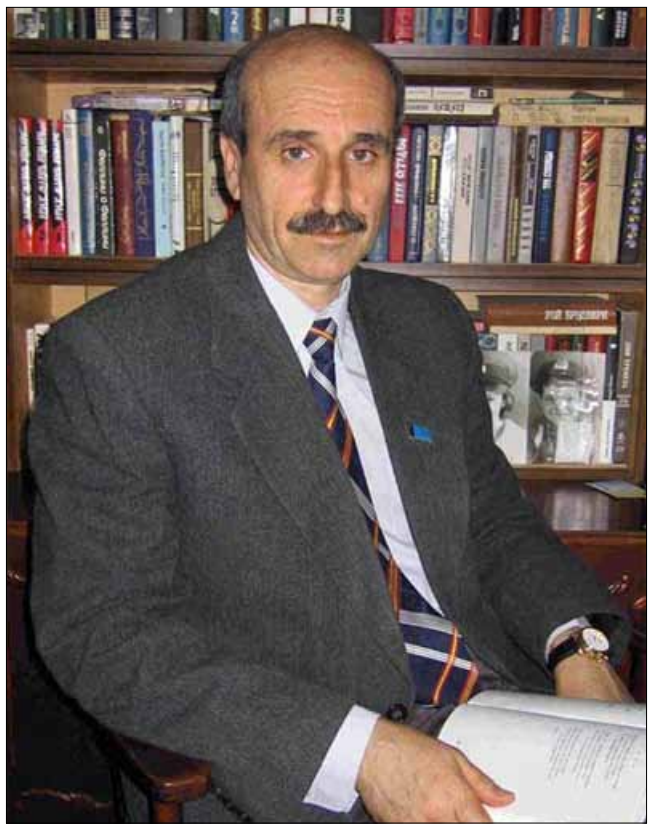
И сейчас, пройдя эту арку и оказавшись в старом дворе, погрузившись воспоминаниями в ушедший в небытие мир, я еще слышу его звуки и запахи, прикасаюсь к старым теплым камням дома, вижу тени былого и милые родные лица, калейдоскопом сменяющие друг друга.

И где-то в сонме этих многочисленных видений, в ворохе шелестящих страниц памяти пунктиром всплывает черная мешковатая фигурка с трубочкой под мышкой, стремительно пересекающая двор и исчезающая в темной глубине арки там, где дуют молодые симбирские ветры, и звучит в небесах знакомая до боли музыка.

2014 г.



ВЛАДИМИР СПЕКТОР
КОГДА ЗАКОНЧИТСЯ ВОЙНА



* * *

Когда прилетают снаряды,
То ангелы — улетают.
Эхо их хрупких песен
Дрожит, отражаясь в кострах.
Снаряды взрываются рядом,
И все мы идем по краю
Последней любви, где свету
На смену приходит страх.
Снаряды летят за гранью,
Где нет доброты и злобы,
Где стало начало финалом,
Где память взметает сквозняк.
Вновь позднее стало ранним,
И ангел взмолился, чтобы
Вернулась в наш дом надежда,
Но прежде чтоб сгинул мрак.

* * *

Все уже не может быть, как прежде.
Смолкли прошлой жизни голоса.
Взорванной, расстрелянной надежде
Выпала дорога в небеса.

«До» и «После» — страхи и тревоги,
Как у деда, позже — у отца…
Тень войны — у самого порога.
Тень беды — с начала — до конца.

* * *

Поезда сюда не идут.
Время пятится в шепот: «Прости…»
Это взорван былой маршрут,
Это ранена память в пути.

Только мины влетают в дом,
Где испуг — у друзей в голосах.
Просто город пошел на слом
Вместе с эхом в немых небесах.

И никак не замкнутся в круг
Обесточенные провода…
Поезда, позабыв испуг,
Подъезжают к вокзалу «Беда».

* * *

Вот замысел, неведомый уму, —
Врагами назначать в своем дому
Друзей, соседей, отправляя всех
Прямой наводкой, позабыв про грех,
Прямой наводкой в злые небеса,
Сквозь детские, бездонные глаза,
Не ведая, что другом бывший враг
Уже готовит твой небесный шаг.

И вновь, который век, кровит венец.
И стынет кровь под взрывами сердец.

* * *

И жизнь коротка,
И не вечно искусство,
Под взрывом фугасным
Летящее вдоль бытия.
Ушедшего времени
Мысли и чувства,
Музейную гордость
Калечит эпоха моя.
Разорваны в клочья
Картины и люди.
Послание ада
Несет в себе каждый снаряд.
Музеи не плачут
Под залпы орудий.
А люди сквозь вечность
Беспечную в бездну летят.

* * *

Уже и небо почернело, как река,
На дне которой илом — наши даты.
И в черном небе — дети и солдаты,
Тень самолета или птицы, облака, —

Века, где Слово, падая, возносит тьму,
И назначает черное быть белым.
Где кровью пишется судьба. Не мелом.
Где снова сумрачно и сердцу, и уму.

* * *

Добро и зло меняются местами.
Не разобрать, кто прав, кто виноват…
Из ненависти облако над нами,
Из облака — не дождь на ниву — ГРАД.
Откуда эти бешенство и злоба?
И гибельный, безжалостный сквозняк?
Толпятся, забивая крышку гроба,
Добро и зло, и бывший другом враг.

* * *

Чужая сытость пахнет кровью,
Чужая кровь — фугасной миной,
Свечой, горящей в изголовье
В финале странной и недлинной
Извечной драмы, где в начале
Взрывался только детский хохот…
Вся жизнь взорвалась и пропала
Как эхо выдоха и вдоха.

* * *

Вновь бесноватость назначает встречу.
И ненависть, оскалив черный рот,
Взрывает, убивает и калечит,
И, кажется, назад, а не вперед
Стремится время, как палач за плахой,
Как мракобес, лелеющий войну.
И прошлой смерти воскрешая страхи,
Жизнь, как собака, воет на луну.

* * *

Расстреливая села, города,
Взрывая школы, садики, больницы,
Как пьется-кушается вам, как спится,
Министры, генералы, господа?..
Не на бумагах, ведь, — на лбу печать,
Не ладаном, а смертью пахнут руки...
За кровь, нечеловеческие муки
Когда-нибудь придется отвечать.

* * *

Тень Шекспира, пролетев над Украиной,
Не заметила ни Гамлета, ни Лира,
Но увидела, что страсти роковые
Разрушительны, как сотни лет назад.

Правят те же персонажи — Зло и Жадность.
И жестокое Коварство над Любовью
Издевается, как прежде. И убийца
Торжествует. И никто не виноват.

* * *

«Миру — мир» заменили на «Смерть врагам»,
И врагов стало пруд-пруди…
Говорят — поклонялись не тем богам,
Потому и кипит в груди

Ярость, будто из моря вражды волна,
Человечий смывая лик.
Несвященная губит страну война,
Все слова заменив на крик.

* * *

Война не мировая,
Но мир уже военный,
Хоть падают снаряды
Пока что вдалеке.
Смертельная отрава
Пульсирует по венам,
И ненависти пепел —
В зажатом кулаке.

Еще полны кофейни,
И детвора хохочет,
Но где-то чьи-то руки
Нажали на курок.
Война не мировая
Мерцает между строчек,
Но эхо дальних взрывов
Не слышно между строк.

* * *

Когда закончится война
И станут красными все даты,
Засохнет кровь, и брат на брата,
Познав все ужасы сполна,

Не будет наводить прицел,
А наведет мосты по-братски…
Но в мире все не так, как в сказке,
И потому для тех, кто цел,

Пока еще, как мир, нужна
Надежда, что случится чудо.
Воскреснет счастье ниоткуда,
Когда закончится война…

* * *

Все закончится когда-нибудь,
Смолкнут позабытым эхом взрывы.
Жаль, что невозможно заглянуть
В будущее — как вы там? Все живы?

Жаль, что продолжается война,
Проявляясь масками на лицах.
И уже почти что не видна
Тень любви. А ненависть все длится.

* * *

Где-то на окраине тревог,
Где живут бегущие по кругу,
Вечность перепутала порог,
И в глаза взглянули мы друг другу.
Черствые сухарики мечты
Подарила, обернувшись ветром
В мареве тревожной маеты,
Где окраина так схожа с центром.

Окончание на стр. 6

Окончание. Начало на стр. 5

ВЛАДИМИР СПЕКТОР
КОГДА ЗАКОНЧИТСЯ ВОЙНА

* * *

Облака плывут с востока,
И державен их поток.
Безразлична им морока —
Запад прав или Восток.
Им, наполненным дождями,
Важен только свой маршрут
Над полями, над вождями,
Что пришли и вновь уйдут.

* * *

Сбой в системе координат.
Видишь — нормою стало предательство.
И не климат в том виноват,
И не личные обстоятельства.
Просто пала горизонталь,
Заменив содержание формою,
Где, устав от закалки, сталь
Утвердила предательство нормою.

* * *

Нет времени объятья раскрывать,
И — уклоняться некогда от них.
И в спешке пропадает благодать,
Чужих не отличая от своих.
Нет времени сравнить добро и зло,
Не забывая в муках о добре…
От «было» до «проходит» и «прошло» —
Нет времени. Нет времени. Нет вре…

* * *

Мамонтов сгубила доброта,
Что была с их мощью соразмерна.
А мораль истории проста:
Видимо, лишь сволочи бессмертны.

Я им шлю негромкий свой привет
Прямо в дебри мусорного бака…
Мамонтов уже так долго нет,
Вымирать и вам пора, однако.

* * *

Как плахи нет без палача,
А без картины — отраженья,
Так целое — виднее в мелочах,
Словно подарок в день рожденья.

Подлец себя не видит подлецом,
Он деликатен для себя в избытке,
Себя жалея, хмурится лицом,
Смывая капли крови после пытки.

За все себя готов он оправдать,
Он — просто выполняет свое дело.
Но Каинова светится печать,
На мелочах, да и на жизни в целом.

* * *

Зима обживает пространство
И делает призрачным время,
Прозрачность его сокращая
И свет умножая на мрак.
И сквозь неизбежность прощаний
Я вместе с пространством, со всеми
Скольжу, как снежинка по краю,
От тайны всего лишь за шаг.

От тайны рожденья и смерти,
В которой любовь без ответа,
В которой вопрос, как надежда,
А память слоена, как снег.
Зима, как воскресшая жертва,
Вернет свою призрачность лету,
Где эхом пространства забрезжит
Рассвет, как любовь, не для всех.

* * *

Заводской трубы погасшая сигара —
Это время «некурящих» городов.
Вместо дыма или пара — тень «пиара».
И еще — майданный пар орущих ртов.

Справедливость ныне — в кошельке гордыни,
А забывчивость наивностью зовут.
В небеса восходят трубы в Украине,
Под безмолвный и бездымный свой салют.

* * *

Потаенный тает свет,
Отражаясь ближней далью.
Тени завтрашних побед
Гаснут в планке над медалью.
И который век подряд
Насмехается над властью
Жаркий, терпкий аромат
Ожидаемого счастья.

* * *

Не подсказываю никому,
Потому что и сам не знаю.
Не пойму ничего. Не пойму.
Начинается жизнь другая.
Может, время стихов ушло,
Время прозы суровой настало?
Жизнь, как птица с одним крылом,
Бьется в каменной клетке квартала…

* * *

Мне все еще как будто невдомек,
Мне кажется, что я не понимаю…
Стучит будильник,
но молчит звонок,
Звучит симфония,
не первая — седьмая.
Какой сумбур!
Какая благодать!
И первый день
похож на день последний.
О чем там говорить,
о чем молчать,
Когда уже ломают дверь в передней.

* * *

В небесную высь
по наивности, видно, стремлюсь,
В пространство от счастья
до пятого времени года.
И пусть заблужусь, ошибусь, ушибусь.
Ну и пусть.
Но вдруг приоткроется
тайна вещей и природы.
Где вещая память пророчит, пугая меня,
Там чьи-то следы — к облакам,
на века, сквозь погосты.
Там пятое время не года, а жизни, маня,
Зовет и меня в эту высь,
где не падают звезды.

* * *

Из-под снега выглянет асфальт —
Как лицо из-под белил.
Главного еще я не сказал.
Хоть и много, вроде, говорил.
Все старо, как прошлогодний снег.
Да и нынешний уже не нов.
Хоть и близким кажется успех —
Дотянуться не хватает слов.
Поищу их в письмах фронтовых.
Там про снег и про войну.
В лица дядей вечно молодых
Сквозь их строки загляну.
Снег в тех письмах — вечно молодой,
Лучшие слова — одни на всех.
Время между мною и войной —
Утрамбовано, как снег.

* * *

Уходит время бескорыстных песен,
Все реже слышно: «Друг, товарищ, брат»…
Все чаще: неудачлив, значит — честен,
Зато нечестен — выгодно богат.
Ты чувствуешь, дружище, как уходит
Наивная застенчивость, и с ней —
Нелепое, как дым без парохода,
Теряет голос эхо наших дней.

* * *

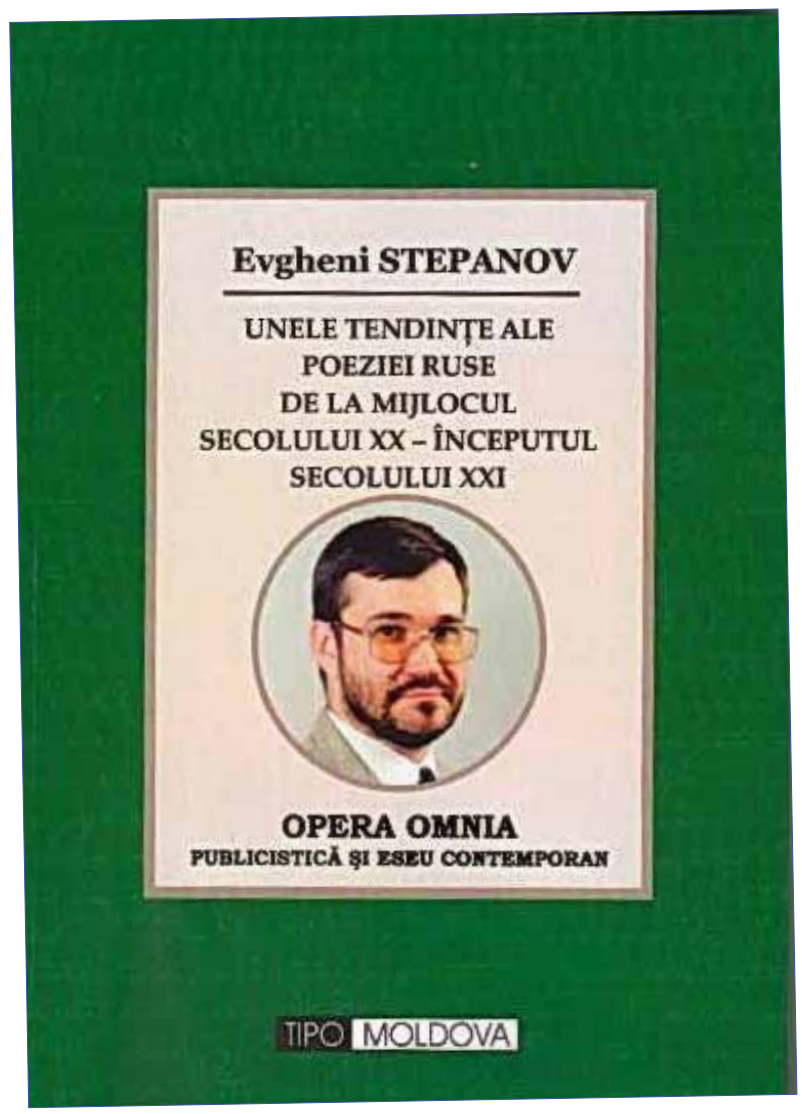
Понимаешь, какие дела —
Пахнут кровью чужие пророчества.
Хочет светлой прикинуться мгла,
А вот свету быть мглою не хочется.
Понимаешь, забытые сны,
Возвращаясь, не ведают промаха.
Мгла становится тенью войны,
И витает над ней запах пороха.

* * *

Не хочется спешить, куда-то торопиться,
А просто — жить и жить, и чтоб родные лица
Не ведали тоски, завистливой печали,
Чтоб не в конце строки рука была —
В начале…

Евгений Степанов Монография на румынском

В издательстве Ясского университета «Tipo Moldova» (Румыния) вышла монография Евгения Степанова «Некоторые тенденции развития современной русской поэзии середины XX — начала XXI веков» на румынском языке. Это фундаментальная работа, посвященная тенденциям поэтического искусства в России. За свои литературоведческие труды Евгений Степанов удостоен звания лауреата ведущей российской литературной премии им. А. Дельвига. Перевод выполнил известный поэт и литературовед Лео Бутнару.



В книге — статьи о современной поэзии, посвященные моностиху, дистиху, терцету, катрену, пятистишию, восьмистишиям, сонету, визуальной поэзии, частушке, верлибру, палиндрому, футуристической и заумной поэзии, эпиграмме, пародии, видеопоэзии, лингвогобеленам, листовертням, танкеткам, цифровой поэзии, twitter-поэзии, современной и несовременной рифме, метафоре, метаметафоре, метаболе, анжанбеману, анафоре. Книга будет интересна и профессионалам, и любителям поэзии.

Автор — лауреат крупнейшей отечественной премии им. Антона Дельвига

О научных трудах к. ф. н. Евгения Степанова

Хорошо зная русскую провинцию, Степанов справедливо упирает на то, что сегодня поэтические эксперименты «переживают рассвет» — и далее по тексту первой страницы предисловия, где перечислено больше десятка нестоличных городов, в том числе — Нью-Йорк, Киев и Хельсинки. То есть из праздного развлечения столичной золотой молодежи, как воспринимали, например, футуристов их современники, радикальное стихотворчество стало живой частью литературной жизни всех районов мира, где сегодня говорят (а значит, и пишут) по-русски.

Масштабы собранного материала впечатляют.

Юрий ОРЛИЦКИЙ

…статьи Евгения Степанова <посвящены> дефиниции жанровых и стилистических особенностей различных образцов русской поэзии…

По Степанову, рифма от XVIII века, начала русской поэзии, заметно эволюционировала: «Если в XVIII (и даже в XIX) веке только минимальное совпадение гласных и согласных звуков в конце строки могло считаться удачной рифмой, то в нынешнее время лучшие поэты предельно усиливают концентрацию звуков, глагольная рифма без опорной согласной становится непредставимой в профессиональном сообществе».

Елена САФРОНОВА

РЕКЛАМА

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Союз писателей XXI века создан в январе 2011 года, зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации.

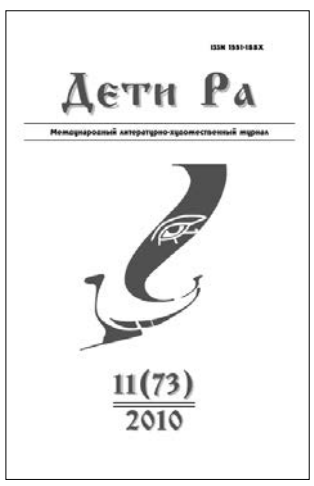
Президент Союза писателей XXI века — поэт и прозаик Евгений Викторович Степанов.

Союз писателей XXI века — общественная организация, объединяющая современных писателей из разных стран, налаживающая переводческие контакты, содействующая членам Союза в публикациях и продвижении на книжном рынке.

Союз писателей XXI века (совместно с Холдинговой компанией «Вест-Консалтинг») издает журналы «Дети Ра», «Крещатик», «Зинзивер», «Футурум АРТ», газеты «Литературные известия», «Поэтоград», «Есенинский бульвар» (на болгарском языке), альманахи «Илья», «Другие», осуществляет информационную и техническую поддержку крупнейшего Интернет-портала «Читальный зал».

Каждый член СП имеет собственный персональный сайт.

Союз писателей XXI века — некоммерческая организация, которая существует за счет взносов и пожертвований.



Тел. для справок: (495) 978 62 75
Сайт: www.writer21.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МАГАЗИН WWW.LITLAVKA.RU

В нашем Интернет-магазине Вы можете приобрести книги по ценам издательств без дополнительной наценки.

Все книги поступают к нам от издательств или непосредственно от авторов, минуя посредников.

Оплатить заказ можно через расчетный счет издательства «Вест-Консалтинг».

Пересылка книг за счет покупателя.

В Москве книги могут быть доставлены курьером.

Звоните по тел.: (495) 971 79 25

Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

Реквизиты издательства «Вест-Консалтинг»

Юридический адрес: 109193, г. Москва, ул. 5-я Кожуховская, д.13
Банк: ОАО «Банк Москвы» г. Москва
ИНН / КПП: 7723339052 / 772301001
Расчетный счет: 40702810800670000380
БИК: 044525219
Корр. Счет: 30101810500000000219

Генеральный директор издательства «Вест-Консалтинг» — Степанов Е. В.

Холдинговая компания «Вест-Консалтинг» предоставляет услуги в области перевода на английский и немецкий языки:

- **Редактура и перевод текстов рекламных материалов и выступлений официальных лиц;**
- **Подготовка и презентация различных отчетов для руководства международных компаний и корпораций;**
- **Разработка уставов, положений, регламентов и процедурных вопросов для компаний и корпораций;**
- **Написание новостных блоков по продвижению и продаже продукции;**
- **Подготовка финансовой и правовой аналитики, разработка бюджетов;**
- **Преподавание техник проведения и прохождения интервью, технических навыков, теории и практики продаж, ораторских навыков, подготовки и ведения презентаций.**

В нашей компании работают профессионалы самого высокого уровня, носители языка.
Тел. для справок: : (495) 971-79-25

ИЗДАДИМ И СДЕЛАЕМ ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ КНИГУ

Издательский центр «Вест-Консалтинг» — это многоуровневая и универсальная структура.

Наше издательство издает 7 литературно-художественных журналов, газету «Литературные известия» и поддерживает 15 собственных литературных сайтов. Мы выпускаем книги современных авторов — более 300 наименований в год. Мы продвигаем книги наших авторов на литературном рынке. Мы обеспечиваем распространение книг авторов нашего издательства (и других издательств) в крупнейших магазинах Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, Киева и др. городов.

Авторы нашего издательства получают эксклюзивные возможности PR-сопровождения.

Путь от рукописи до книги и признания в литературном мире Вы пройдете наиболее быстро в издательстве «Вест-Консалтинг».

Звоните: (495) 971-79-25
e-mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west-consulting.com

САЙТЫ ПИСАТЕЛЯМ

Компания «Вест-Консалтинг» — лидер в стране по производству сайтов для писателей и других деятелей культуры.

Наша фирма сделала сайты таким знаменитым поэтам и прозаикам, как Олег Чухонцев, Александр Кушнер, Инна Лиснянская, Олеся Николаева, Тимур Кибиров, Петр Образцов, и многим другим.

Успешно функционирует разработанный ООО «Вест-Консалтинг» сайт премии «Поэт».

Мы сберегаем архивы писателей, делаем их достоянием широкой общественности.

«Вест-Консалтинг» — это:

- Создание и сопровождение WEB-сайтов как составная часть продвижения на рынке;
- Сайты-визитки от 500 у.е.;
- Индивидуальный дизайн;
- Предоставление хостинга;
- Регистрация доменного имени;
- Система управления контентом (наполнением сайта) CMS;
- Регистрация в поисковых системах.

По вопросам заказа услуг звоните по телефону: (495) 971-79-25
e-mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west-consulting.com

Газета Союза писателей XXI века
и Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»
(www.west-consulting.com)
Тел.: (495) 978-62-75
Интернет-ресурсы
www.poetograd.ru,
http:/ / poetograd1.livejournal.com,
http:/ / www.facebook.com/ poehtograd.vestkonsalting
Общественный совет
Лео Бутнару (Румыния), Арон Гаал (Венгрия), Светлана Дион (Испания), Станислав Пенев (Болгария), Нелли Пигулева (Болгария), Константин Кедров (Москва), Дмитрий Цесельчук (Москва)
Главный редактор
Наталия Лихтенфельд
Заместители главного редактора
Владимир Коркунов, Фёдор Мальцев
Шеф-редактор
Евгений Мелешин
Заместители шеф-редактора
Василий Манулов, Сергей Киулин
Литературный редактор
Ольга Денисова
Компьютерная верстка
Глеб Пузыревский
Отдел рекламы и связей с общественностью
Ирина Горюнова
Интернет-версия
Максим Жуков, Николай Баринов, Наталия Лихтенфельд